

НОРВЕЖСКИЕ
ВОЛШЕБНЫЕ
СКАЗКИ

ХУДОЖНИК

ТЕОДОР КИТТЕЛЬСЕН

Норвежские волшебные сказки

«Издательство АСТ»

УДК 398.21(=113.5)
ББК 82.3(4Нор)-6

Норвежские волшебные сказки / «Издательство АСТ»,

ISBN 978-5-17-114372-5

Художник Теодор Северин Киттельсен (1857–1914) был влюблен в Норвегию: ее суровую и величественную природу, ее предания и старину. Он писал мир, в котором живут огромные неуклюжие Тролли, добрые, но лукавые Ниссе, коварные Водяные, зачарованные Хюльдры, злые Ведьмы и бессмертные Драконы. В этой книге собраны самые популярные его работы, знакомые всем норвежцам от мала до велика и горячо ими любимые — чтобы каждый смог не просто прочитать сказку, а увидеть волшебную Норвегию воочию.

УДК 398.21(=113.5)

ББК 82.3(4Нор)-6

ISBN 978-5-17-114372-5

© Издательство АСТ

Содержание

Сказка о художнике	6
Волшебство	13
Лесной тролль	14
На пир в замок троллей	16
Дух водопада	18
Хюльдра	20
Горный тролль	22
Ведьма	25
На горе Колсос	28
Морской тролль	31
Дракон	34
Драуг	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Юхан Эгеркранс

Волшебные существа Севера

Copyright © Johan Egerkrans, 2013

© А. Савицкая, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

«Автопортрет», 1887.

Сказка о художнике

Теодор Северин Киттельсен. Для любого норвежца имя этого художника звучит как приглашение в сказку. Сказку высоких, неприступных гор, каменистых плоскогорий, глухих дремучих лесов, таинственных озёр и – моря, бесконечного и переменчивого, как сама царица-природа, наделившая художника бесценным даром видеть загадочное и необыкновенное – всё, что скрывает она в своих чертогах...

27 апреля 1857 года в маленьком приморском городке Крагерё, что в Южной Норвегии, в купеческой семье родился мальчик, и назвали его родители Теодор Северин. Семья была зажиточной, весёлой, дружной, и рос Теодор в окружении семи братьев и сестёр, не зная забот и печалей. Вместе с друзьями исследовал он окрестные леса, где запросто можно было встретить огромного лесного тролля, вглядывался в озёрца, где в глубине притаился коварный водяной нёкк. Подолгу мог стоять Теодор, любясь прекрасными цветами и забывая обо всём на свете. А больше всего мальчика влекли к себе море, загадочные островки и скалы, разбросанные вдоль побережья, и корабли – ведь город был торговый, в порту стояло множество судов из разных стран.

Друзья любили собираться на крыльце одной из местных купеческих лавок и рассказывать страшные истории. Непогода, море бушует, скрипят корабельные мачты. До жути хорошо лежать потом ночью, вслушиваться в шторм и представлять себе кораблекрушения, морского царя – хавмана, играющего на арфе на морском дне... Казалось бы, мальчишка как мальчишка. Да не совсем. С детства умел Теодор подмечать всё необычное, странное, смешное, и не только подмечать, но и зарисовывать. Особенно удавались ему карикатуры на горожан.

Постепенно в душе мальчика зрела мечта – стать художником. Но на пути к этой мечте ему, как настоящему сказочному герою, пришлось пройти не одно испытание.

Когда Теодору исполнилось одиннадцать лет, умер его отец. Семья потеряла кормильца, и мальчику пришлось самому зарабатывать на жизнь. Кем только не работал Теодор: и помощником часовщика в родном городке, и подмастерьем маляра в столице, носившей тогда название Кристиания, пока волею судеб не оказался в соседнем городе Арендале. Там он поступил учеником к немцу-часовщику Штейну. Хозяин только вздыхал да охал: «Ну какой из тебя выйдет часовщик, если ты всё время только и делаешь, что мечтаешь?!». Однако рисунки Теодора так ему нравились, что в один прекрасный день он собрал их и отнёс показать одному из самых знатных горожан. Известный покровитель искусств Дидерик Мария Олл сразу оценил талант Киттельсена и пригласил его к себе. Так Теодор встретился со своим волшебным помощником. Убедившись в решимости юноши стать художником, Олл объявил, что собрал необходимые средства и теперь Киттельсен должен немедля отправляться в Кристианию учиться. Теодор не мог поверить своему счастью и в волнении принялся благодарить благодетеля.

«Пер Гюнт у Доврского деда», 1913.

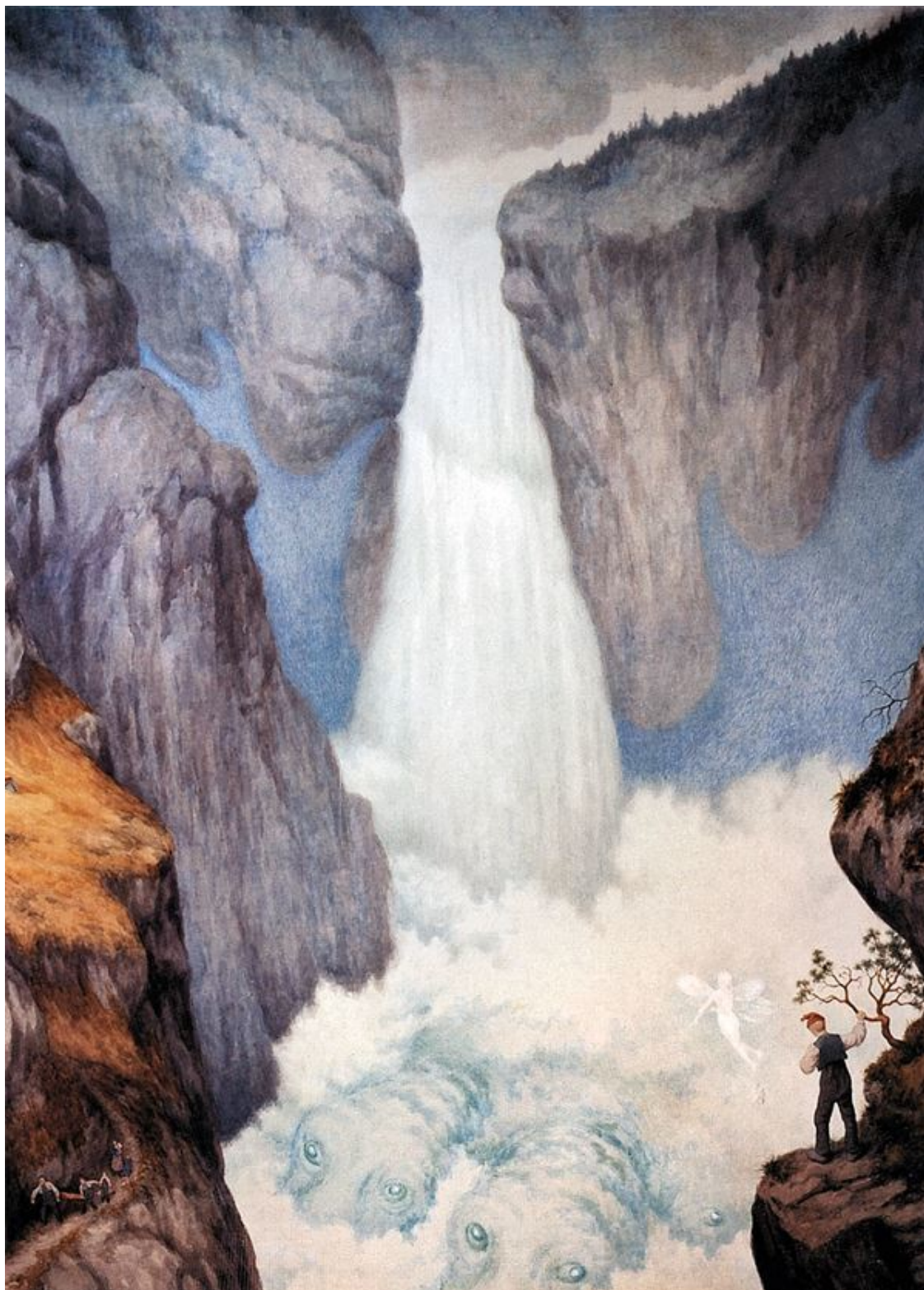
Но как бы то ни было, а сказка стала реальностью, и осенью 1874 года семнадцатилетний Киттельсен уже приступил к занятиям в художественной школе архитектора Вильгельма фон Ханно, а по вечерам брал уроки рисования с натуры у известного скульптора Юлиуса Мидцельтуна. За два года в Кристиании Теодор многому научился. Но как станешь настоящим художником, не поучившись за границей?! В те времена в Норвегии столицей изобразительного искусства считался Мюнхен, вот добрые учителя Теодора и похлопотали за него перед Олло, который с радостью отправил юное дарование в Мюнхенскую академию художеств.

Два года в Мюнхене стали одними из самых безоблачных в жизни Киттельсена. Здесь он обрёл много новых друзей среди земляков-однокашников, здесь судьба свела его с Эриком Вереншёлло, вместе с которым он будет иллюстрировать норвежские народные сказки. В местных кабачках зоркий глаз художника находил множество забавных типажей и характеров для своих карикатур, а в окрестных Альпах – прекрасные виды для пейзажей. Здесь Киттельсену пришла идея проиллюстрировать знаменитую драматическую поэму Хенрика Ибсена «Пер Гюнт».

Тем горше было, когда в 1879 году пришло известие, что Дидерик Мария Олл больше не в состоянии оплачивать пребывание Киттельсена за границей, и в 1880 году Теодор вернулся домой. Но, как и в каждой сказке, не бывает худа без добра.

В Норвегии тем временем только что вышло первое иллюстрированное собрание норвежских народных сказок Петера Кристена Асбьёрнсена и Йогена Му, которых по праву называют норвежскими братьями Гримм. Оно принесло славу художнику-иллюстратору Эрику Вереншёллу. Неутомимые собиратели сказок уже планировали следующее издание, и Вереншёлл предложил в качестве иллюстратора кандидатуру своего однокашника Киттельсена. Правда, Асбьёрнсен после знакомства с его работами выразил опасение, как бы такие рисунки не напу-

гали детей, но его сомнения не оправдались. Время подтвердило: если кто из норвежских художников и может рисовать волшебных существ будто с натуры, то только Киттельсен.

«Водопад Рьюкан в своём первозданном и свободном величии», 1908.

Гравюра «Семь сестёр» из книги «С Лофотенских островов II», 1891.

Отныне в жизни Теодора сказка и действительность соединяются навсегда, а кроме того, становится ясна его судьба – он будет иллюстрировать книги. Однако к иллюстрации народных сказок художник снова вернётся только через долгие двадцать лет. А пока продолжают его путешествия по миру.

В 1883 году Киттельсен получает стипендию и едет в Париж, но, не прижившись там, снова отправляется в Мюнхен. За границей ему приходится нелегко – денежные невзгоды ещё можно было бы перетерпеть, хотя ему временами и приходится голодать, но вот тоска по родине становится нестерпимой. «Мне более всего по душе таинственное, сказочное и величественное в нашей природе, и, если я не смогу впредь совмещать свою работу с разумным изучением природы, боюсь, невольно отупею в своих чувствах. Мне становится всё яснее, что я должен делать, у меня всё больше и больше идей – но мне необходимо вернуться домой, иначе из этого ничего не выйдет», – пишет он в письме Андреасу Ауберту. И снова на помощь приходят друзья. Они собирают деньги на билет, и весной 1887 года Теодор возвращается на родину.

А там Киттельсена ждёт новое путешествие, на сей раз в настоящую сказку. В 1887 году мужу его сестры предлагают место смотрителя маяка на самом севере Норвегии, на Лофотенских островах, и Теодор отправляется с ними. На крохотном, обдуваемом всеми ветрами островке Скумвэр Теодор продолжает работу над иллюстрациями к «Перу Гюнту», а главное, создаёт свою самую сказочную книгу «Волшебство». В ней в полной мере раскрывается дар художника видеть существ, издревле обитающих по соседству с людьми: на хуторе, в дремучих лесах, непроходимых горах, рокочущих водопадах, тихих лесных озёрах и бурлящем штормовом море.

В этой книге благодаря Теодору Киттельсену мы знакомимся с норвежским домовым ниссе; со скрытым народцем, живущим в своём, но так похожем на людской мире; с коварной обитательницей норвежских лесов красавицей хюльдрой; с вселяющим ужас духом утопленников драгом, чей крик предвещает рыбакам скорую гибель; с королями царства гор великанами-ютулами и, конечно же, с троллями. Художник не только пишет «портреты» фольклорных персонажей, но и сочиняет про каждого из них истории, основанные на быличках и

преданиях, а их уже не одно поколение норвежцев считает самой что ни на есть взаправдашней правдой.

Суровая и таинственная северная природа и живущие там мужественные люди вдохновляют Киттельсена на создание ещё двух книг – серии пейзажей и бытовых зарисовок «С Лофотенских островов» I и II, в которых находит своё выражение его талант художника и рассказчика.

Пока книги ждут своего часа, чтобы встретиться с читателем («С Лофотенских островов» были изданы в 1890–1891 годах, а «Волшебство» – в 1892 году), Киттельсен уезжает на юг страны, где продолжает писать пейзажи. А сказка идёт за ним по пятам. В 1889 году Теодор встречает свою принцессу, уроженку, пожалуй, одного из самых сказочных городков Норвегии Дрёбака, считающегося родиной юлениссе, норвежского Деда Мороза. Инга Кристине Дал на одиннадцать лет моложе своего избранника, однако, несомненно, обладает всеми необходимыми талантами, чтобы стать спутницей жизни художника и разделить его непростую судьбу. Их брак становится настоящим благословением, и у счастливых родителей один за другим появляются на свет девять детей.

У Киттельсена начинается самый плодотворный период творчества. Он много выставляется, готовит к изданию альбом «Времена года» (1890), серию акварельных пейзажей «Йомфруланн» (1893), возвращается к своей любимой карикатуре и анималистике в альбоме «Есть ли у животных душа?» (1894), создаёт один из шедевров графического искусства – книгу «Чёрная смерть» (1900), пишет пейзажи, среди которых стоит особо упомянуть серию «Тирилилль Тове» (1900), где каждое дерево, сук, корень или пень буквально оживают и превращаются в сказочное существо, выполняет заказ для оформления здания только что построенной на водопаде Рьюкан гидроэлектростанции (1907), иллюстрирует книги, в том числе и народные сказки. В 1908 году Киттельсен становится кавалером ордена Святого Улава, высшей государственной награды Норвегии.

Однако, несмотря на признание и успех, прокормить семью художнику трудно. Супруги часто переезжают, пока наконец в 1899 году не находят место, в которое невозможно не влюбиться: в долине Сигдал нежно шелестят листвой берёзы и осины, с возвышенности открывается завораживающий вид на озеро, а за ним, насколько хватает взгляда, возвышаются горы. Киттельсен называет новую усадьбу поэтическим именем Лаувлиа. И дом строит имени под стать – настоящий сказочный терем. Ведь у Теодора много талантов – он ещё и прекрасный резчик по дереву. Да и Инга Кристине просто мастерица – и прясть, и шить умеет, по словам самого Киттельсена, «как и подобает бедной принцессе, пленённой в горе троллем». И для детей лучше дома не найти. Семья часто бывает на природе, мать обучает детей грамоте, а отец делится с ними секретами художественного мастерства.

Но суровая действительность снова вмешивается в сказку. В 1910 году из-за денежных затруднений Киттельсен вынужден продать Лаувлию. Семья снова переезжает, на сей раз в пригород Осло. Болезни и ощущение безнадёжности мучают Теодора. Наконец в 1911 году приходит спасительная весть: стортинг, норвежский парламент, назначает художнику национальную стипендию. В том же году Киттельсен издаёт автобиографию с характерным названием «Люди и тролли. Воспоминания и мечты», лирический рассказ о своей жизни, сопровождаемый любимыми стихами и рисунками. На следующий год семья покупает дом на живописном острове Йелёй, недалеко от дома другого знаменитого норвежского художника, Эдварда Мунка.

Здесь, спасаясь от болезни и одолевавших его тревог и печалей, Теодор снова погружается в любимый мир народной фантазии. Киттельсен не прекращает работать до последнего дня, 21 января 1914 года.

«Троль, задумавшийся над тем, сколько ему лет», 1911.

По словам его друга, художника Кристиана Скредсвига, «после смерти Киттельсена мир будто опустел. Киттельсен был уникален... Никто с ним не сравнится... Даже тролли исчезли вместе с ним навсегда. Во всяком случае, я с тех пор их больше не видел». Но ведь сказка на то и сказка, чтобы никогда не кончаться плохо. Книги и картины художника продолжают жить. Благодаря им мы снова и снова имеем возможность заглянуть в страшноватый, но удивитель-

ный мир троллей, полюбоваться одухотворённой художником природой и, быть может, тоже научиться видеть красоту и загадки окружающего нас мира.

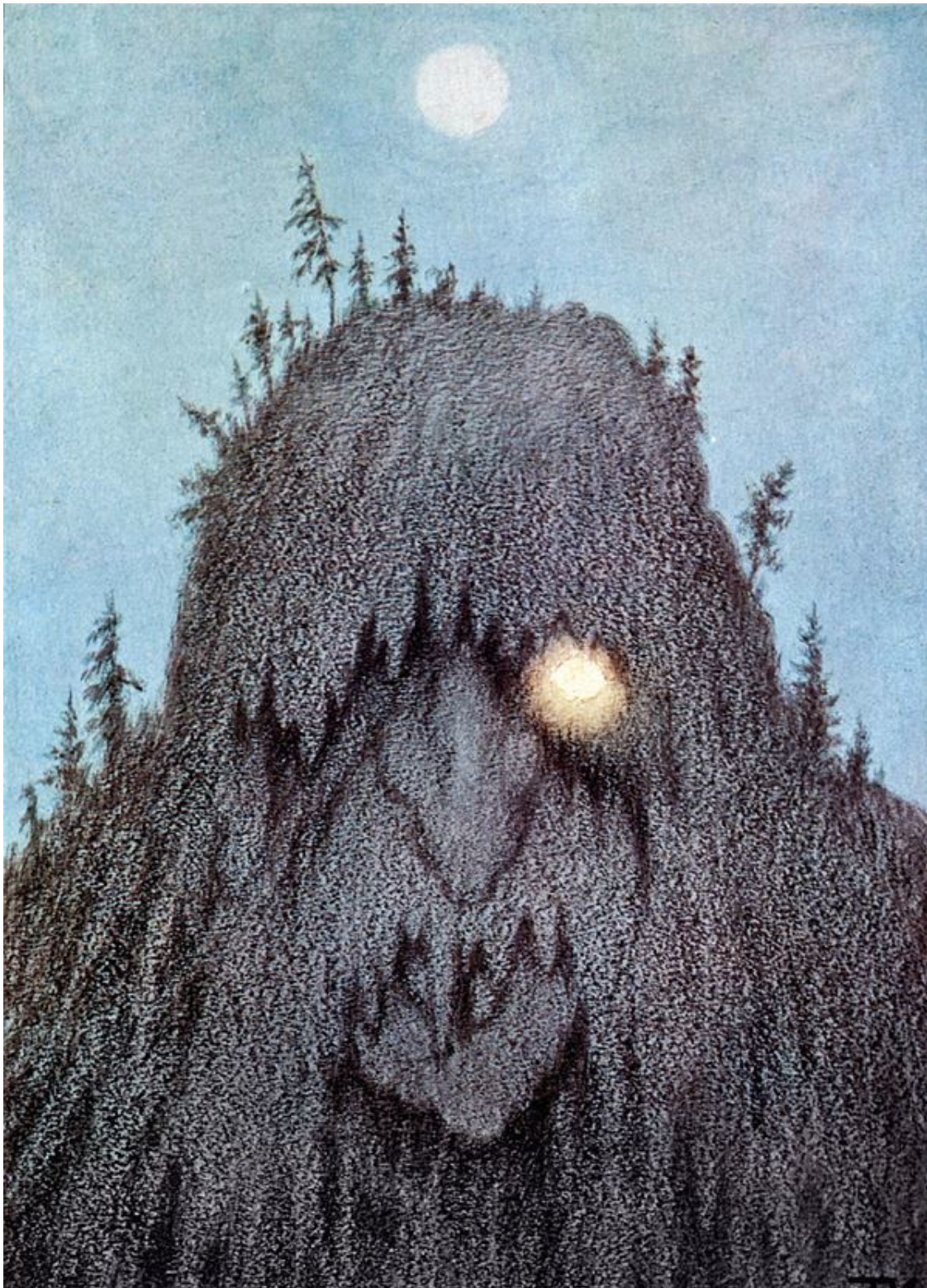
Елена Рачинская

Волшебство

Авантитул книги «Волшебство», 1892.

Лесной тролль

«Лесной тролль», 1906.

Лес, бескрайний и дикий, оставил в нас свой след, мы стали частью этой природы. Мы любим лес таким, какой он есть, – сильным и мрачным.

Детьми смотрели мы вверх, на шумящие ветви сосен и елей. Глазами и душой следили за мощными стволами, взбирались по ним, цепляясь за их узловатые ветви-руки, туда, наверх, на самую верхушку, качающуюся от ветра, – в эту прекрасную синеву.

Садилось солнце. На поляны плотной пеленой опускались одиночество и покой. Казалось, земля не осмеливается перевести дыхание, а лес застыл в безмолвном ожидании. Только сердца наши бешено колотились. Мы хотели ещё – мы просили, мы умоляли, мы требовали сказок! Суровых, диких сказок для нас, бедных детей.

И лес дарил нам сказку.

Она бесшумно подкрадывалась, словно на мягких кошачьих лапах.

Всё, что до этого точно окаменело, теперь начинало двигаться.

Вдалеке подалась вперёд поросшая лесом гора. Удивление и страх будто бы витали над ней... Вот у неё появились глаза... она пошевелилась и направилась прямо к нам! А мы замирали от восторга и ужаса, мы всей душой любили это чудо!

Это же лесной тролль! В его единственном глазу были для нас страх и ужас, золото и богатство – всё то, чего жаждала наша детская душа.

Мы хотели бояться – но мы хотели и противостоять этому страху! Такие маленькие, мы мечтали подразнить тролля, догнать его и украсть его золото. Но больше всего мы хотели заполучить его светящийся глаз. Подумать только! У такого ужасного тролля – такой чудесный глаз!

Он светился и переливался, как ясный день посреди тёмной ночи. То, чего ты раньше не замечал, о чём даже и не думал, отражалось в нём и становилось прекрасным. Лесной ручей струился с серебряным журчанием, сосна расцветала красноватыми шишками, даже неприметный мох на скале сверкал будто россыпь драгоценных камней, и хотелось упасть и прижаться к нему, как к материнской груди.

– Мы любим тебя, глухой, тёмный лес, таким, какой ты есть, – сильным и мрачным. Ты наша любимая книжка с картинками: вот белка грызёт шишку, синица выглядывает из сосновых веток, медведь ревёт в рожице. И лесной тролль идёт, тяжело ступая и держа голову высоко над верхушками деревьев: «Бу, бу!».

На пир в замок троллей

Великий пир ожидался в замке троллей. Но путь туда не близок, вот и решили тролли пойти все вместе, чтоб веселее было: Тронд и Коре, Ивар Женолюб и Борд, Бобб из Мусьерда и старуха Гури Свиное Рыло. Шли они по горам-косогорам, по лесам нехоженным. Густо поросли горы елями и соснами, да такими высокими, что доходили троллям до пояса. Тяжелей всего приходилось Гури, ведь она несла мешок с едой в дорогу. Но торопиться им было некуда. Хоть сотню лет иди – всё равно вовремя поспеешь.

Впереди у них, насколько глаз хватит, высокие тёмные кручи. Идут взрослые тролли, покашливают, бормочут что-то себе под нос, и троллята не отстают, глазют во все стороны, а Гури плетётся в хвосте, клянёт свою долю. Споткнётся кто – схватят его за шкуру, а как совсем трудно станет – за хвост друг дружку держат. Так и продираются сквозь бурелом. Наконец пришло время отдохнуть. А когда собрались было дальше, заспорили промеж собой, в какую сторону идти. Тронд говорит: нужно идти прямо, куда нос указывает. А Ивар – своё: задом наперёд надо бы – навыворот оно вернее. А Гури всё на мешок жалуется: день ото дня он всё тяжелее становится, а еды в нём – всё меньше. Но как бы то ни было, а идти надо. Выбрали они тропу, по которой, как видно, тролли и прежде ходили. Пролегала она через горы, как глубокая расселина.

А тут ещё в ближайшем же леске Бобб из Мусьерда споткнулся, ступня у него возьми да и отвались. Впрочем, могло быть и хуже! Пришлось им оставить ступню там и шагать дальше.

«На пир в замок троллей», 1904.

Долго-долго шли они и вот пришли к месту, где тоже лежала ступня. Для Бобба это как никак утешение: приятно всё-таки узнать, что не у тебя одного такое несчастье. Но всё же эта находка показалась им странной.

А когда тролли прошли ещё целую вечность и нашли ещё одну ступню, они и вовсе удивились. А Бобб присмотрелся к этой ступне и воскликнул:

- Тронд!
- Чего тебе? – откликнулся Тронд.
- Это же МОЯ ступня!

И поняли тролли, что вот уже сто лет ходят они по кругу. Коре взял ступню и швырнул её изо всех сил. Перелетела она через гору и упала в лесное озеро, где и лежит, небось, по сей день. А тут ещё незадача. Мешок с едой протёр у Гури на спине большую дырку. Рассердилась она и говорит: мол, пусть теперь Ивар несёт. Да вот беда, старуха так ослабла в дороге, что потеряла равновесие и опрокинулась, когда с неё мешок-то сняли, – уж лучше вернуть его на место, без мешка у неё будто и спины нет.

Долго ли, коротко ли, вышли они наконец на верный путь. В голубой дали, за тёмными горами, мерцало что-то, как звезда. Чудесное сияние переливалось всеми цветами радуги. И старые тролли кивнули друг другу: они-то знали, что найдут дорогу.

То и был замок троллей.

Троллята от удивления даже рты пораскрывали. Ничего похожего они в своей жизни ещё не видели. Ах, как же здесь чудесно! Подумать только, замок весь из золота! Он сверкал, искрился – и всё это великолепие отражалось в глади озера, по которому тут и там плавали серебряные уточки. Из замка доносились звуки танцев и золотых арф, и тёмные верхушки елей шумели в такт музыке. Дух водопада играл на скрипке, да так, что от струн разлетались молнии. Хюльдра кружилась в танце, да так, что своим хвостом задевала уши гостей. Вдоль стен сидели тролли и бонды из скрытого народца, пили пиво и мёд из золотых рогов и огромных кружек. Ниссе веселились напропалую, придумывали озорные проделки одну за другой, чуть из штанов не выскакивали, только бы превзойти друг друга. Они дрались, мерились силой, сцеплялись пальцами и тянули друг друга в разные стороны с такой силой, что костяшки хрустели.

Через тёмные горы и леса со всех сторон тянулись к замку вереницы странных существ. Некоторые были такие старые, что поросли мхом и кустарником, другие были и того старше, да такие скрюченные, что походили на корни сосен. Они уж и идти сами не могли, их приходилось нести. Кругом всё гремело и звенело, дышало и фыркало: все хотели на пир, в это золото и блеск, в сияющий замок, дворец Сория-Мория, дрожащий от шума голосов.

Дух водопада

Светлой лунной ночью присядь у водопада – ты увидишь и услышишь, как внизу, в чёрной пропасти, среди пенистых водоворотов дух водопада, фоссегрим, исполняет величественную музыку – мелодии, созданные самой природой. Сначала ты различишь лишь могучий рокот, но потом музыка очарует тебя, и тебе самому захочется слиться с бурлящим потоком созвучий.

Все песни, что боязливо таились в лесах и в горах, все голоса природы оживают в струнах его скрипки, и венчает их мощный аккорд, сотканный из звуков языка древних карликов.

Шумят ели, шелестят осины, журчат ручьи, и звенят берёзы. Свежие ветры ликуют высоко в горах, вздыхает лесная тишина, а глубокое лесное озеро поёт под нежные и печальные звуки ивовой свирели.

Дух водопада мечтательно склоняется над своей скрипкой. Смычок звучно ударяет по струнам и своим непрерывным движением влечёт за собой – ввысь над пропастью, вниз в пучину.

Глаза фоссегрима закрыты. Он вглядывается внутрь себя. Кажется, музыка пронизывает его – послушай, как он притопывает ногой в такт.

Игра его вечна. И вот блестящие чёрные скалы становятся могучими стенами храма, где свободно парят мелодии вечности. Высоко по синеве небесного свода плывёт прозрачная луна, отражаясь в глубоких чёрных омурах и искрящихся водах извилистой горной реки.

Одна за другой загораются звёзды. И звуки скрипки становятся всё неистовей, и каждая капля водопада словно рвётся в небо, чтобы, сияя, слиться с мириадами звёзд. А вдохновенный музыкант-виртуоз сидит с закрытыми глазами на дне ущелья, склонившись над скрипкой. Игра фоссегримма – это цепь, что приковывает его к водной бездне.

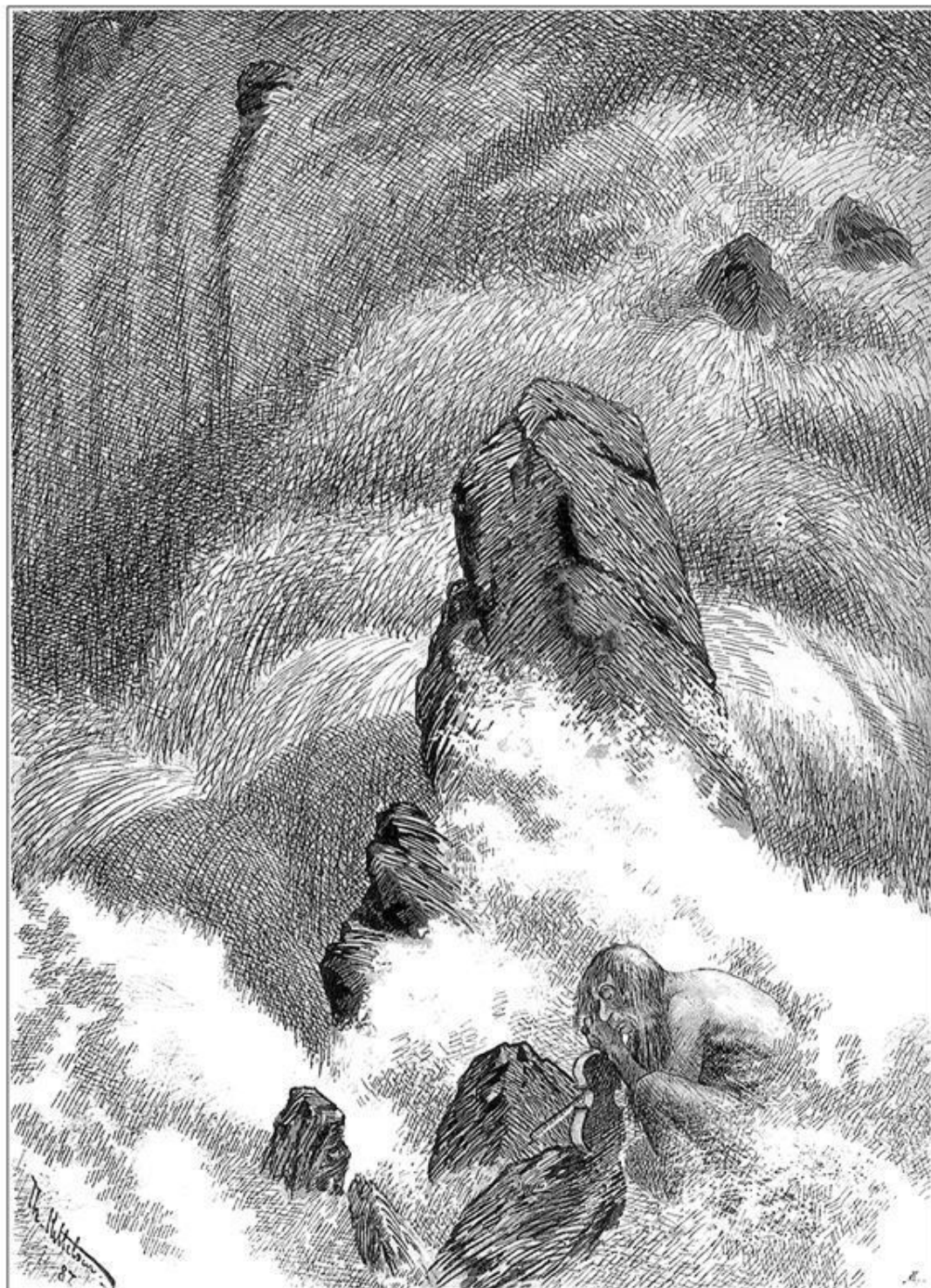

Иллюстрация к рассказу «Дух водопада» из книги «Волшебство», 1892.

Хюльдра

Не печалится хюльдра, нет! Сидит себе на пенке да на лангелейке ¹играет. Глаза её горят, она так и стреляет ими во все стороны: не идёт ли пригожий паренёк, над которым можно подшутить. А сама она красавица, вот если б только не этот жуткий коровий хвост! Но его-то хюльдра прятать умеет – от обычной женщины и не отличишь!

Красавчик был Йенс Клейва. И сам знал, что красавчик. Вбил себе в голову, что все женщины в него по уши влюбляются, едва увидят. Вот и поклялся, что не женится, пока все девчонки в округе по нему сохнуть не будут. Сейчас он водил за нос шестерых, так-то.

«А седьмой будет Маргит Бротен», – решил он и принялся, как был, в одной рубахе, вырезать большую ивовую свирель.

Вдруг как треснет что-то над ухом: «Трах!».

Йенс вскочил. А перед ним – девушка. Красоты несказанной, в жизни таких не видывал. «Что это ты строгаешь, Йенс?» – спрашивает.

«Да вот свирель. Хочу попытать, не выйдет ли из неё какого мотивчика».

«Попытка не пытка, Йенс. А тебе и вовсе плёвое дело».

Давай, Йенс, будь достойным кавалером! Да не тут-то было, чёрт возьми! Красавица так на него смотрит, прямо пожирает глазами. Он покраснел, губы его не слушаются. Всё, что он смог выжать из свирели, было жалкое: «Пф-пфи-пфи-ти-ти!».

Иллюстрация к рассказу «Хюльдра» из книги «Волшебство», 1892.

«Да уж, – сказала она, – много поту, да мало проку. Дай-ка я теперь попробую». И тут свирель будто сама по себе запела. Йенс и размяк как хлебный мякиш. Играла девушка так, что и свирель, и Йенс плакали.

¹ Лангелейк – норвежский народный музыкальный инструмент; напоминает гусли, но имеет всего восемь струн.

Йенсу страсть как захотелось взять красавицу в жёны, да и она вроде бы не прочь. На том и порешили.

Только поставила девушка три условия. Коли Йенс их выполнит, будет она принадлежать ему со всеми своими угодьями. Первое: до свадьбы не спрашивать, как её зовут. Второе: не рассказывать никому о том, что с ним случилось, ни одной живой душе. Третье же условие было: встретятся они через год, не раньше, и он слово даст, что её дождётся.

«Хорошо, – сказал Йенс, – уговор есть уговор».

Вытащила красавица что-то из кармана и смазала свирель. «Если любишь меня, прине- сёшь с собой эту свирель, когда свидимся в следующий раз».

«В этом можешь не сомневаться», – обещал он.

Не успела девушка уйти, как Йенс побежал по округе, с хутора на хутор. Хвастался да хвалился без зазрения совести. Мол, берёт за себя девушку, да не какую попало, а самую насто- ящую богачку. У неё и хутор, и земли, и большие леса, а уж коров без счёта. В их долине ни одна ей в подмётки не годится. Да и плевал он теперь на всех!

Такой Йенс стал важный, ходит руки в карманы, только о свадьбе и думает каждый божий день. Уж об этой свадьбе заговорят! Перед свадебным поездом – шесть музыкантов: два – с барабанами, четыре – со скрипками. Четыре здоровяка в модных шляпах всю дорогу палят из пистолетов, а шестеро прислужников подают пива и браги без меры. Потом он и невеста садятся на холёных коней, а на головах у них подвенечные короны сверкают. Народу за ними видимо-невидимо: все собрались подивиться, вся округа, и стар и млад. . .

Вот так Йенс сдержал своё обещание. Настал заветный день, год истёк. Взял он свирель и пошёл на то же место, где встретил красавицу. Сел и ну дуть.

А свирель-то пересохла. Тьфу, что за напасть! Только шипит да хрипит. Ни одной ноты не взять, даже жалкое «фью-фью» не выходит. Одно старушечье сипение: «Йенс-хвастун! Йенс- дурак! Йенс-пустобрёх! Йенс-телячий потрох!».

«Бу!» – раздалось у самого его уха. Девушка тут как тут. Глаза сияют, провела руками по темечку, золотую копну волос надвое разделила, на грудь себе положила – так и сверкают волосы на солнце.

«Ну, теперь-то я могу узнать твоё имя?» – спросил Йенс.

«Зовусь я хюльдрой, – ответила она. – И вот что, Йенс, я тебе скажу. Такого разгильдяя и болтуна, как ты, я себе в мужья брать не хочу, зря ты мной хвастал. И сам ты – как твоя растрескавшаяся свирель!»

«Ах так! – закричал Йенс. – Не очень-то и хотелось! Да у меня таких, как ты, на каждом пальце по дюжине. И все без хвостов!»

«Да я-то не такая! Вот я тебе покажу!» – рассердилась хюльдра.

Подхватила она руками свой хвост да как огреет Йенса по ушам – он и с ног долой.

Эту оплеуху Йенс на всю жизнь запомнил. Глухой, полоумный, ходит он с сумой по хуторам, побирается. А девичья любовь так его и колет. Куда бы бедняга ни пришёл, везде находится одна воструха, которая непременно спросит: «Что, Йенс, много красоток в твоей деревне?». И Йенс аж весь просияет: «О да, они там такие ладные да статные!..».

Горный тролль

В высокой чёрной скале жил горный тролль. Только раз увидел он солнце – и окаменел. Веками лежал он в мрачных горных чертогах и стерёг богатства: серебро, золото и драгоценные камни. Своим сиянием груды сокровищ озаряли тёмные своды, а когда тролль шевелился, раздавался звон золотых монет.

Однажды услышал тролль про небесное золото – солнце – и захотел заполучить его. Не для того, чтобы радоваться его лучам, – просто чтобы владеть им, прятать его в своём огромном медном сундуке.

И вот как-то ночью вылез тролль из горы и принялся рыскать по ущельям, опрокидывая на ходу каменные глыбы и обломки скал. Рёв его раздавался на всю округу. Так тролль искал солнце. Подумать только, как бы оно сверкало в его медном сундуке! Ночь долгая, так что в конце концов он непременно найдёт небесное золото! И тролль раскидывал и крушил камни так, что грохот стоял повсюду и искры сыпались с гор.

Далеко-далеко меж горных вершин будто бы что-то блеснуло. «Что ещё может так сверкать в темноте. Наверное, это и есть солнце», – подумал он.

Тьфу, да это лишь жалкое озерцо!

Нет, так солнце не найдёшь, это ясно. Лучше взяться за дело поосновательнее.

Но как?

И он уселся на вершину горы Ротанутен и задумался.

Но и думать оказалось нелегко – не легче, чем найти солнце. Ой, как трудно двенадцатиголовому троллю договориться с самим собой. Какой уж тут покой для размышлений! Головы орут, перебивают друг друга – одни ссоры да склоки. Да-а, в ту ночь на Ротанутен была страшная перебранка! Головы плевались так, что слюна летела во все стороны, корчили друг другу рожи и даже бились лбами от злости. Спокойным оставалось только туловище, на котором они сидели. Всю ночь так и проругались. Фу, страсть какая! Будто стучали по жестяному ведру, по стеклу камнем возили, били стенные часы, грохотали отбойные молотки, да в придачу гнусаво орали коты – такой стук, визг, рёв и шум разносились в темноте.

«Горный тролль», 1905.

... Между тем рассветало. Медленно струясь, разливался свет. Солнце согреет и обрадует всех – никого, ничего не забудет. Скорбящих и счастливых, ликующих и трусливых – всех покроет оно своими нежными поцелуями. Лучи солнца не знают ненависти...

И вот первая заря восходит над тёмной горной грядой. Словно отнялись языки у голов. Ужас охватил тролля, в диком страхе бросился он бежать, перепрыгивая горные пики и вершины. Прочь! Быстрее, спрятаться в темноте, среди золота и серебра! В бессильной ярости

троль заскрежетал зубами и до крови прикусил свои злые языки, скрючились грубые пальцы, жилы напряглись, словно стальные дуги.

И тут настигло его солнце. У тролля закружились головы, подкосились ноги, он упал и окаменел. А в это время маленький горный цветок в расщелине распускал свои лепестки с серебристыми каплями росы навстречу новому дню.

...Далеко внизу, в долине, где светятся маленькие окошки, живёт бедный народ, и терзает его страшная нужда. Зима там долгая и суровая. Слишком долгая для таких бедных людей. Только снег да ветер, ветер да снег... А наверху, на горе, так высоко, что кружится голова, застыли в камне скалящиеся гримасы! Тёмными ночами снятся они людям, пугая и угрожая.

Ведьма

Про то, что старый Чёрт рыскает по горам и долам и все подмётки себе истёр, все знают. Но есть у него и свита. Погляди-ка на старую ведьму, притулившуюся на горном уступе; верно служит она старому Чёрту, вернее служанку ещё поискать. Жалованье у неё, правда, невелико, но она довольна. Последний раз Чёрт оплатил за носки, что она ему связала, пощекотав её в подмышке: «У-тю-тю-тю!». Щекотал до тех пор, пока у неё ноги судорогой не свело. И спросите меня, чем не достойная плата!

«А как же старик без носков-то будет, горемычный! Свяжу ему тёплые да носки. Нелегко Чёрту нынче, почти никто и знаться с ним не желает – разве что те, на кого ему самому наплевать. Вот и приходится бегать язык на плечо из-за какой-то пары-тройки жалких душонок, да и то попадается одно барахло, годное разве что на блошином рынке торговать среди прочего хлама. Куда ни придёт, всюду ему от ворот поворот: “Не знакомы с тобой, мил человек. Извиняйте! Прощайте!” Да, уж свяжу носки бедняге, он их честно заслужил.»

«Р-р-р-р», – рокошет прялка.

– Да разве ты не дарила ему пару носков к Рождеству?

– Дарить-то дарила, да вот только поистрепались они изрядно – смотреть больно. А чего ж ещё ждать? Ведь шалопай какой, носится повсюду и в дождь, и в снег, и в жару, и в стужу – нет бы переобуться хоть раз. В конце концов на ногах остались одни паголенки². И что вы думаете – старик стянул их пониже, а дыру пенькой замотал. Так и бегал, пока всё в клочья не изодрал.

² Паголенок – часть длинных носков, охватывающая голень.

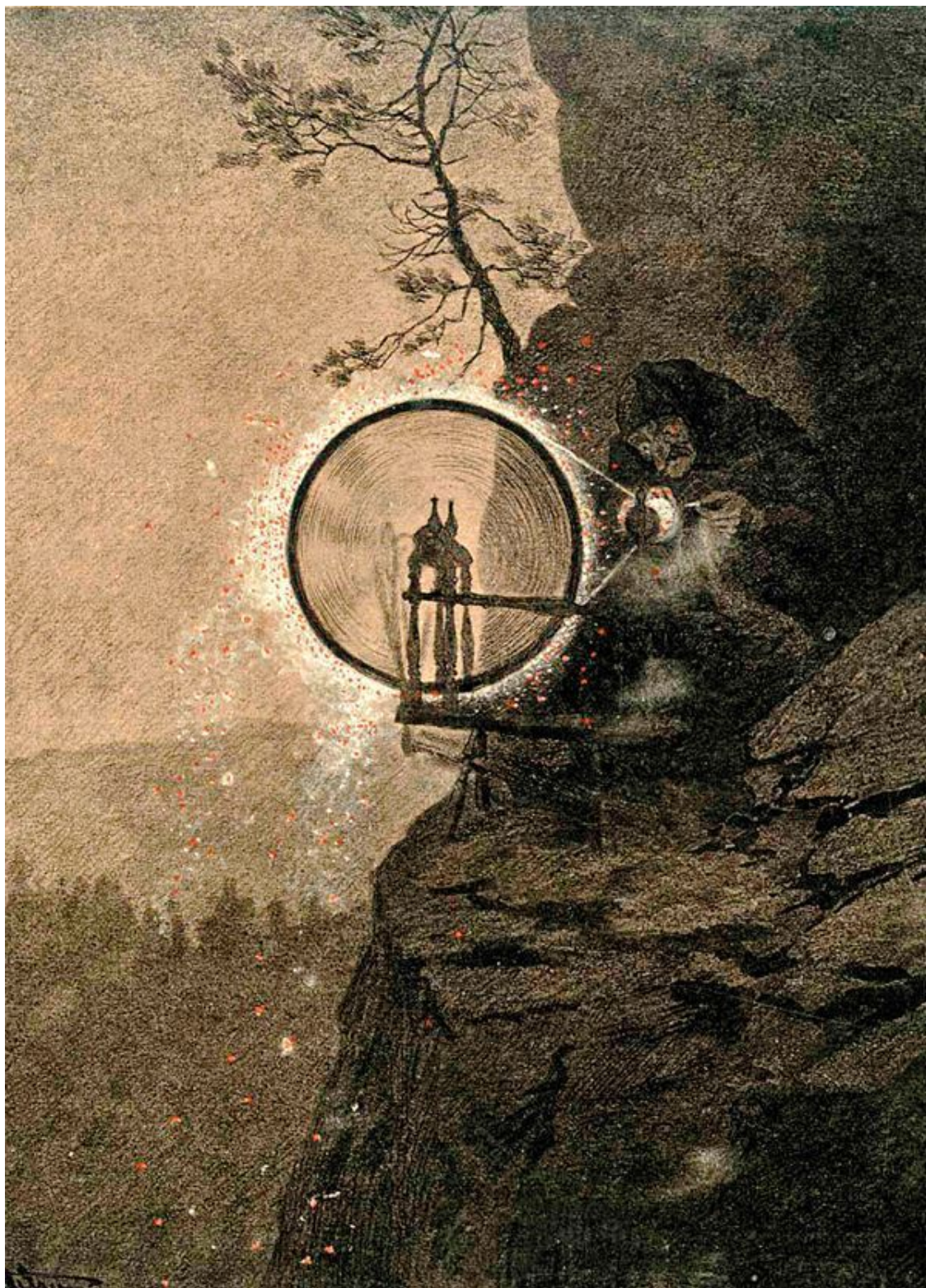

Иллюстрация к рассказу «Ведьма» из книги «Волшебство», 1892.

И, знаешь, шерсть для чёртовых носков не простая, а то проку от неё было бы мало. Ворсистая да вычесанная, лежит она в ведьминой корзинке, однако уж больно чудна на вид. Смешана шерсть эта и с глупостью, и с оговорами, и со сплетнями, и с завистью, и со злобой – словом, с чертовщиной всякой. Но больше всего – с глупостью: её, почитай, больше половины – потому как глупость придаёт нити лёгкий сероватый оттенок, и носки получаются намягчайшие, о таких лишь мечтать.

Но не только носки Чёрту вяжет ведьма. Рядом с корзинкой у неё ворох всякой всячины для распрекраснейших пакостей и ворожбы. С этой работой тоже надо поспеть к сроку. Так что крутись прялка, чтоб только искры летели!

На горе Колсос

Давеча в гостях у мадам³ Сювертсен йомфру⁴ Энерсен горевала о зле и греховности мира. Из глаз капали слёзы величиной с кофейные зёрна, а из носа текло так, что клетчатый носовой платок не знал роздыху.

И кто бы, чёрт возьми, мог подумать, что она ведьма?! Однако через пару часов она уже смазывала дома свою метлу.

На горе Колсос готовился великий шабаш. Сам Чёрт обещался пожаловать, да ещё и скрипку с собой прихватить. Как тут не принарядиться! И потому все ящики комодов йомфру Энерсен были выдвинуты, и везде раскиданы кружева, панталоны, флакончики с нюхательными солями, кринолины, шиньоны и всякая прочая красота. Долго ли, коротко ли, наконец йомфру Энерсен собралась в дорогу. Села верхом на метлу, крикнула: «Неси на гору Колсос!» – и вылетела через дымоход, только сажа заклубилась.

Но на сей раз за дверью пряталась кухарка Анна и подсматривала за хозяйкой сквозь замочную скважину. Сначала она никак не могла взять в толк, с чего это вдруг йомфру Энерсен наряжается на ночь глядя, но, когда увидела, как та достаёт из ящика рог и мажет чем-то метлу, Анне всё стало ясно. И ей страсть как захотелось тоже попасть на шабаш. Ну хоть один-единственный разочек! «Греха великого ведь в этом не будет, – подумала она. – Веселья в жизни и так никакого – отскребай день-деньской котлы да сковородки».

Взяла Анна ящик от комода и намазала его дно погуще тем же зельем. «Надо только раньше госпожи вернуться, она ничего и не заметит», – решила кухарка.

Правда, через дымоход в ящике протиснуться было трудновато, но когда Анна вылетела на простор, оказалось, что лучшего перевозочного средства и не придумаешь – во всяком случае, то, на чём обычно сидят, в аккурат разместилось. Тут Анна перевернулась вверх тормашками, и ей показалось, будто весь шар земной падает из комодного ящика в глубокую чёрную дыру.

Облака были точно свалены из мягкой шерсти, и луна перекатывалась из одного в другое словно начищенная до блеска монета. Анне так захотелось дотронуться до неё!.. Но это она решила оставить на потом. Ящик стремительно нёсся вперёд.

Вдруг он стал падать. Теперь облака клочьями висели прямо у неё над головой. Ба-бах! – и вот Анна уже лежит на горе Колсос, болтая в воздухе руками и ногами, а дно ящика рассклала большая трещина.

Всего в двух шагах на вершине горел огромный костёр. Тут следует поостеречься! Анна нашла три тяжёлых камня и опустила в ящик, а сверху сложила крест-накрест две палки. Затем подкралась поближе к костру и спряталась в расщелине.

Вокруг костра сидело множество ведьм: кто на спицах вязал, кто на коклюшках⁵ плёл.

Ты, наверное, думаешь, они кружева плели? Да уж, чудесные то были кружева! На первый взгляд вроде бы ничего, а если приглядеться – змеи вместо ниток, а внизу шипящие змеиные головы болтаются. И носить носки, связанные ведьмами, тебе вряд ли захотелось бы! Паголенок на вид вполне сгодился бы, но заканчивались носки большим пузырьём, до краёв наполненным желчью.

Сплетни рекой лились. Ведьмы хохотали, злословили и судачили, перебивая друг друга, – слушать противно.

³ Мадам – в Норвегии XIX – начала XX века замужняя женщина из среднего сословия.

⁴ Йомфру – в Норвегии XIX – начала XX века незамужняя женщина из среднего сословия, например, дочь лавочника, ремесленника, управляющего, шкипера или мелкого чиновника.

⁵ Коклюшки – деревянные палочки, на которые наматываются нитки, для плетения кружев.

Анна сидела в своей расщелине и от души развлекалась: не удастся ли ей отыскать кого-нибудь из знакомых?

«А вот и йомфру Энерсен... А вон Северине Трап!.. И Малла Бёрресен, та, что вечно зубами мается, тоже здесь. Нет, вы только поглядите! Да это же старуха Берте Хаугане, торговка черникой, от которой вечно воняет навозом... И сидит она будто ровня с чопорной фрёкен⁶ Ульриккой Пребенсен. Подумать только! Рядом с самой благородной фрёкен, которая всегда говорит лавочнику: “Будь любезен, голубчик, обслужи меня первой!”».

Анне пришлось закусить губу, чтобы не расхохотаться.

Языки молили будто мельничные жернова. Ведьмы только что живенько перемыли косточки пасторше: ох уж эта тихоня-книгочейка, подцепила себе муженька, да такого толстого, что, как проповедь читать, он еле на кафедре умещается. Уж мы её! Пусть поостережётся!.. Затем настал черёд губернаторши, жены судьи, полицмейстерши, а потом и всех остальных.

Казалось, они совсем с ума посходили от злобы. Йомфру Энерсен как закричит: «Плевать нам на них всех вместе взятых! Тьфу!».

«Тьфу!.. Тьфу!.. Тьфу!..» – раздалось со всех сторон.

«И я на них плювать хотела!» – гаркнула Берте Хаугане. И все расхохотались.

Тут появился страшный чёрный ворон. «Едет! Едет!» – заголосил он.

И откуда ни возьмись прилетел и бухнулся среди них длинный чёрный оборванец. А в подмышке у него скрипка.

«Вечер добрый, друзья мои!» – выкрикнул он.

«Добро пожаловать, любезный Сатана!» – ответили все хором.

От радости чуть было не забыли, что кофе Чёрту приготовили. А кофеёк-то был ядрёный! Напились они им допьяна. Однако Чёрту, известное дело, не привыкать к горяченькому. Каждую чашку кофе он закусывал горстью раскалённых углей.

Вдруг Чёрт возьми да и прыгни прямо в костёр и заиграй ведьминскую плясовую, так что от струн искры посыпались. Ведьмы взялись за руки и давай вокруг него плясать.

Такой гадости Анна отродясь не видывала и не слыхивала – точно камнем по стеклу скребли. А отвратительнее уroda с рогами, что восседал посреди жаркого огня, на всём белом свете не сыщешь.

А уж как ведьмы-то разошлись! Они кружились в танце всё быстрее и быстрее, аж в глазах рябило – будто на водопад с тысячами разлетающихся брызг смотришь. И каким бы страшным ни было это зрелище, Анна не могла удержаться от смеха. Вновь ей пришлось губу закусить, истинная правда! Видели бы вы фрёкен Пребенсен: нос кверху, шёлковые юбки развеваются вокруг тощих ног, а на губах застыла прелестная улыбка. Рядом выплясывает Берте Хаугане: «Оп-ля, хоп-ля-ля!».

⁶ Фрёкен – в Норвегии XIX – начала XX века незамужняя женщина, происходящая из семьи зажиточного торговца, высокопоставленного чиновника или крупного землевладельца.

Иллюстрация к рассказу «На горе Колсос» из книги «Волшебство», 1892.

«А йомфру Энерсен, вы только поглядите!.. Ха-ха-ха!».

Но самое веселье началось, когда Малла Бёрресен, закружившись в танце, хлопнулась навзничь и сломала свой длинный нос. Вот уж все хохотали; сам Чёрт, восседавший на костре, ржал как сивый мерин.

... Анна была девушкой смышлёной. «Хорошего понемножку, надо и на следующий разок оставить», – подумала она. Потихоньку прокралась обратно к comodному ящику, вынула камни и шепнула: «Неси с горы Колсос!», и ящик во весь опор понёс её домой...

На следующий день йомфру Энерсен всё удивлялась, откуда на дне ящика такая большая трещина.

Малла Бёрресен, очевидно, упала с лестницы, потому как на носу у неё красовался огромный пластырь.

А когда Анна отправилась к лавочнику за зелёным мылом, ей снова пришлось закусить губу, чтобы не расхохотаться. В лавку важно вплыла надменная фрёкен – нос кверху, шёлковые юбки шелестят вокруг тощих ног: «Шпилек для волос на три шиллинга⁷. И будь любезен, голубчик, обслужи меня первой!».

⁷ Шиллинг – мелкая разменная монета, имевшая хождение в Норвегии в XVI–XIX вв.

Морской тролль

Как-то поплыли Юхан Перса и Элиас Нильса на острова, поохотиться на морских птиц и собрать птичьих яиц. В тот день им везло: жирных гаг настреляли да яйцами целый ящик наполнили. Из дома они взяли с собой кофе и еду, да к тому же в лодке припасли небольшую фляжку – надо ж себя побаловать. Развели костёр, закурили, поболтали немного о том о сём, а потом Элиас и говорит Юхану: «Последи-ка ты за кофе, а я возьму лодку и порыбачу».

В тот день клёв был отменный, но ни одной рыбёшки поймать не удавалось. Казалось, будто чья-то крепкая рука дёргает за крючок, а когда вытаскиваешь леску – крючок пустой. Тут Элиас и заподозрил, что дело нечисто.

«Ну погоди, раз ты такой голодный, может, вот это попробуешь?» – пробормотал тогда Элиас, посмеиваясь в бороду. Взял старую рыбацкую рукавицу, наполнил её всяким хламом и прицепил на крючок.

Не успел удочку забросить, как леску потянуло на дно. Чувствует Элиас – на крючке что-то тяжёлое. Стал тянуть изо всех сил, да всё напрасно. Но не таков он, чтобы вот так просто сдаваться: намотал леску на уключину, поплевал на руки и давай опять тянуть. Вдруг поклёвка прекратилась. Элиас уж было подумал, что крючок оборвался, как вдруг из воды появился здоровенный морской бычок: головой во все стороны мотает – от рукавицы избавиться хочет. И несётся рыбина прямо на Элиаса. Стукнулась с треском об лодку и легла на воде – на Элиаса во все глаза смотрит. Такой страсти Элиас отродясь не видывал: пасть широко раскрыта, на губе крючок с приманкой болтается, а сама рыбина пыхтит и стонет, жабры раздуваются, словно огромный пузырь, а маленькие косые глаза так и зыркают во все стороны. Тело сплошь покрыто шипами, а кожа висит на ней словно лохмотья.

«Морской тролль», 1881.

Тут Элиаса зло взяло, что какой-то проклятый бычок испортил ему всю рыбалку. «Эй ты, глазей сколько влезет, – крикнул он, – а только я тебя ничуть не боюсь!». Изловчился Элиас, схватил морского зверя, выдернул крючок и плюнул с досады прямо ему в пасть. «Вот тебе, свинья ты этакая!» – и выбросил рыбину в море.

Прошло время, и случилось так, что Элиас опять отправился на рыбалку в те места. На сей раз он был один. Оставил Элиас лодку в тихой заводи и пошёл приготовить кофе. А пока кофе варился, решил побродить по острову. Волны бились о каменистый берег, заливая водой каждую расселину, а вокруг на скалах кричали птицы.

Тут и вспомнил Элиас о рыбине, что попалась ему здесь на крючок не так давно. Видит: откуда ни возмись, прямо перед ним на камне лежит та самая тварь. «Должно быть, выдра её тут бросила. Дохлая поди, вон как вся высохла», – подумал он и потрогал её ногой. А рыбина

возьми да и оживи: стала биться, извиваться как сумасшедшая, пастью воздух хватать. Тогда Элиас поддал её ногой покрепче, так, что полетела она прямо в море.

И вдруг стала рыбина расти, расти и превратилась в жуткое чудище. Поднялось чудище из воды, разинуло пасть размером с корабельный сундук и проревело:

«Ну что, может, и теперь захочешь плюнуть мне в пасть, Элиас?! Только вот что я тебе скажу...»

Дальше Элиас слушать не стал. Кинулся он прочь, да с такой прытью – только пятки засверкали. Вскочил в лодку и всю дорогу до дома грёб так, что пот лил с него градом. И только когда к берегу причалил, вспомнил Элиас, что на острове у него кофе варится.

Дракон

Тысячелетиями лежит дракон на золотых сокровищах. Крылья его покоятся на королевских коронах, драгоценных камнях и сундуках, набитых блестящими кольцами. Зорки его огненные глаза, а пасть изрыгает пламя и дым. Лишь изредка выползает чудовище из своей пещеры, с шумом летит над морем, оставляя за собой дым и искры, как падающая звезда. У людей подгибаются колени от страха: только бы укрыться где-нибудь поскорее.

Немногие смельчаки отваживаются проникнуть в его пещеру, чтобы отвоевать сияющий клад. И никто не возвращается назад. Меч скользит из ножен... но его уже встречают скрюченные когти. Тлетворное дыхание дракона разъедает щит и приносит смерть. Выбеленные веками черепа героев становятся убежищем для змей и мышей.

Лишь время побеждает страшного дракона. Сон его раз от разу становится всё длиннее и длиннее. Сменяется не одно поколение людское, но вдруг появляется в небе дракон и снова предвещает войны, чуму и всяческие беды, вселяя ужас в сердца.

В наши времена дурные предвестия дремлют. Дракон стал преданием. Он спит тяжёлым смертным сном. Зияют его пустые глазницы, крылья бездвижны.

Вход в пещеру зарос кустарником и рябиной, а снаружи светло и солнечно. С моря веет лёгкий свежий ветерок, деревья и кусты волнуются и шелестят листвой. На ветке рябины сидит маленькая птичка и щебечет: «Фюить! Я так рада, так счастлива! На горном склоне свила я гнездо из травинки и былинки! Солнце освещает моё гнездышко, и шиповник раскрыл свой цветок прямо над ним! Фюить! Фюить!».

«Дракон, охраняющий сокровища», 1892.

Драуг

В рыбацком посёлке у самого моря жил Кристиан Вестервал. Теперь его уже и в живых-то нет, но многие наверняка его ещё помнят.

Он держал лавку и слыл посему богачом, но также и чудаком изрядным – с таким никогда не знаешь, как себя вести. Вечно угрюмый ходил, словно его тяготит что. Высокий, здоровенный, волосы белее снега, лицо бледное, неподвижное. Но добрый и мягкосердечный, как дитя, хоть и упрямый, как бык, ежели что не по его.

О Вестервале шла молва, что лучшего старшого на рыболовецкий бот⁸ не сыщешь. Дважды его бот переворачивался, и люди говорили, будто предсказано, что на третий раз живым ему не выбраться. Наверно, потому и осторожен стал в последние годы – в море и носа не кажет.

Дом Вестервал себе диковинный выстроил: одна половина на склоне горы, а другая – на сваях над самым морем, чтобы рыбакам было сподручнее. От люков в полу вели лестницы к воде. Там завсегда рыбаки со своими лодками возились. У дома вдоль скалистого берега тянулась пристань, заваленная сушёной рыбой. Отсюда тоже можно было подняться наверх через люк, пришвартовав лодку под дощатым настилом.

Имелся в доме и склад со множеством дверей и подъёмников. На полу ровными рядами лежали мешки с мукой, рыболовные снасти, смолёные бочки, тюки гагачьего пуха и сушёная рыба, а на стенах сотнями висела птица: чайки, крачки, гагары и чистики. В укромном уголке были припрятаны гигантские морские раковины, парочка полярных сов, а над ними прибиты на растяжку шкурки выдр и бакланов.

Вестервал вёл оживлённую торговлю и держал в кулаке всех до единого рыбаков в посёлке. Они приносили ему раковины, кораллы, необычных рыб, морских звёзд, а взамен получали кофе и жевательный табак.

Жил Вестервал в своём доме один, не считая экономки. Ей, конечно, там было скучновато, да и жутковато порой, а её хозяйину – в самый раз: он любил море и одиночество.

Спальня была самым удивительным местом во всём его удивительном доме. Вестервал редко спал больше пары часов, а засыпал почти всегда на рассвете. По его словам, ночью ему не давали покоя тяжёлые думы. Над кроватью он прибил себе полку для лампы и читал все ночи напролёт. Старые обои на стенах пузырились, а под полом шуршали и пищали крысы, так что по ночам развлечений хватало. В крошечной комнате было полным-полно всякой всячины: на столе и подоконнике – табак, трубки, трубочные ёршики, пустые бутылки, камни с кораллами – чего там только не сыщешь; на стене – большая полка со старыми книгами; повсюду ящики и стулья, в углу – старый продавленный диван, над которым висели шесть-семь часов с маятниками, больших и маленьких, создававших жуткий шум. «Какая-никакая, а компания», – говорил о них Вестервал.

Однажды ночью Вестервал лежал в кровати и дымил трубкой, углубившись в старый роман. За окнами бушевала страшная буря. Флюгер на крыше вертелся, как ветряная мельница, и пронзительно скрежетал. Дом скрипел, ветер свистел во всех щелях.

⁸ Бот – небольшое рыболовецкое судно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.